

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-937-948

Динамика капитализма и возвращение классов*

Р.И. Анисимов

Российский государственный гуманитарный университет,
Миусская пл., 6, Москва, Россия, 125993
(e-mail: ranisimov@list.ru)

Аннотация. Растущее социальное неравенство и сворачивание модели социального государства актуализирует вопрос о возвращении классов на историческую арену. Автор полагает, что современное общество можно охарактеризовать как капиталистическое, сохранившее свой основной структурный элемент — нацеленность на прибыль, но в то же время сменившее вектор извлечения прибыли с внешней экспансии (поиск новых рынков сбыта и центров производства) на внутреннюю интенсивность (автоматизация, усиление эксплуатации, тотальная коммодификация, снятие институциональных барьеров на извлечение прибыли). В настоящий момент капитализм, исчерпав возможности внешней экспансии, переориентировался на перестройку социальной структуры и людей. Это сопровождается сворачиванием модели социального государства и ростом нестабильности трудовых отношений, вследствие чего начинает исчезать средний класс и растет социальное неравенство. Все это актуализирует концепцию классов, разработанную К. Марксом, поскольку многие концепции середины XX века уже не отвечают современным реалиям. В статье осуществлена ревизия марксистской классовой модели, в частности, утверждается, что форма собственности сегодня уже не является значимым дифференцирующим признаком, как не актуально и выделение капиталистов и пролетариев как основных классов современного общества — более релевантны сложившейся реальности классы работодателей и прекариата. Векторы устремлений этих классов принципиально различаются: прекариат стремится сохранить социальные гарантии и трудовые права; работодатели, наоборот, стремясь максимизировать прибыль, инициируя сокращение социальных гарантий и трудовых прав.

Ключевые слова: капитализм; К. Маркс; внешняя экспансия; внутренняя экспансия; демонтаж социального государства; бедность; неравенство; пролетариат; прекариат

Технологические инновации, глобализация, неолиберальная экономическая политика, геополитическое противостояние стран порождают и увеличивают социальную турбулентность. Эти процессы нашли отражение в концепциях, где отличительной характеристикой современного общества выступает нестабильность настоящего и неопределенность будущего — «общество риска» (У. Бек), «текущая современность» (З. Бауман), «обще-

* © Анисимов Р.И., 2022

Статья поступила 03.04.2022 г. Статья принята к публикации 03.10.2022 г.

ство травмы» (Ж. Тощенко). Главным стержнем этих концепций является констатация коррозии социальной системы, сложившейся к 1960 — 1970-м годам, а также перманентной неустойчивости складывающейся новой системы. Однако ситуация неустойчивости не означает невозможности выявления в ней тенденций, позволяющих конструировать новые концепции, объясняющие логику перемен и адекватно описывающие сущностную трансформацию системы. Мы предполагаем, что история развивается циклично, аналогичные, но не тождественные процессы проходили раньше, что актуализирует концепции, созданные ранее. Они возвращаются к жизни не потому, что так хочется их приверженцам, а потому что реальность становится похожей на ту, в которой они были созданы. Складывающаяся сегодня реальность похожа на предыдущие периоды истории, но не является их точной копией, а имеет свою неповторимость и отличия, поэтому для адекватного понимания происходящих процессов необходимо провести ревизию концепций, созданных ранее, для учета этих новаций. Теория должна соответствовать реальности — необходимо осуществлять ее ремонт, оставляя то, что «работает», и убирая не соответствующие действительности положения.

Цель статьи — ревизия марксистской классовой модели: она вновь актуализируется, но на историческую сцену, наряду со старыми, выходят новые общественные классы, имеющие свои отличительные характеристики. Для достижения этой цели необходимо, во-первых, обосновать, что, несмотря на существенные различия с момента возникновения классовой теории, современная система остается капитализмом; во-вторых, обрисовать динамику развития капитализма; в-третьих, обозначить оставшиеся актуальными положения марксистской классовой концепции с учетом трансформации капиталистической системы и исключить устаревшие положения данной теории.

Капитализм — современная система

Современная система — это капитализм согласно определению И. Валлерстайна, поскольку она «ставит во главу угла бесконечное накопление капитала... Люди или фирмы накапливают капитал для того, чтобы накопить еще больше, а это процесс непрерывный и бесконечный» [3. С. 100]. В этом определении можно выделить три ключевых аспекта: 1) рентабельность (прибыльность) предприятия или организации является необходимым условием его деятельности; 2) прибыль не тратится на личное или общественное потребление, а возвращается в цепочку производства и/или товарообмена, чтобы увеличить прибыль (мобильность — основное свойство капитала, если ресурсы лежат «мертвым грузом», не пускаются в обращение, то не являются капиталом); 3) непрерывный экспансионизм системы заключается в том, что капитал, подобно царю Мидасу, вследствие своей мобильности распространяется повсеместно и трансформирует объ-

екты своей экспансии (люди, вещи, идеи) в товар, т.е. они обретают товарную стоимость и выходят на рынок. Экспансия осуществляется капиталистической системой для увеличения прибыльности, что является основным условием капитализма. Прибыль необходимо получать систематически, иначе система прекратит свое существование. Метафорически эту систему можно представить в виде человека, едущего на велосипеде: пока он крутит педали, велосипед движется и сохраняется равновесие, но стоит остановиться, и велосипед теряет устойчивость и падает. Работоспособность капиталистической системы обуславливается режимом социальных санкций к тем, кто нарушает ее ключевые требования: «Структура выстроена так, что люди с иной мотивировкой будут каким-то образом наказаны и удалены с социальной арены, а те, кто движется согласно системному курсу, будут вознаграждены» [3. С. 100].

Экспансионизм бывает внешним и внутренним. Внешний экспансионизм заключается в распространении капиталистических отношений «вширь» — все больше стран и обществ включаются в глобальную капиталистическую экономику, открываются все новые рынки сбыта и производства. Внутренний экспансионизм состоит в увеличении прибыльности путем усиления эксплуатации имеющихся ресурсов, внедрения инноваций, оптимизации рабочей силы, что позволяет снижать себестоимость производимых товаров и услуг, не снижая, а, возможно, даже увеличивая норму прибыли. Внешний и внутренний экспансионизм могут быть синхронными (развитие капитализма в XIX веке) или асинхронными (внешняя экспансия середины XX века не сопровождалась внутренней и даже способствовала «смягчению» капитализма в странах ядра системы).

Предложенное определение современной системы, во-первых, эвристично, т.е. позволяет полно и без внутренних противоречий описать окружающую нас действительность; во-вторых, преодолевает устаревшее определение капитализма как системы, основанной на частной собственности; в-третьих, отменяет многочисленные споры о «правильном» и «неправильном» капитализме, которые в основном сводятся к вопросу об источниках ресурсов деятельности предприятий. По большому счету не имеет значения, как и где берутся эти ресурсы — получают их в ходе рыночной конкуренции и/или нерыночной дистрибуции государством материальных и нематериальных благ. Главное для капитализма — систематически получать прибыль для превращения ее в капитал, а способы получения не имеют значения. Не существует «плохого» и «хорошего» капитализма, он везде один, а оценки способов получения капитала в разных странах скорее отражают положение страны в современном миропорядке, чем дают содержательные характеристики системы.

Таким образом, если современная система остается капиталистической, то следующим вопросом является актуальность марксистской концепции ка-

питализма — анализа социальной структуры общества в капиталистической формации. Применима ли классовая теория, созданная на основе анализа капитализма XIX века, к анализу общества XXI века, если сущность системы осталась прежней?

Классовая теория К. Маркса и динамика капитализма XX в.

История распространения и забвения классовой концепции Маркса тесно связана с общей динамикой капитализма. Концепция классов Маркса оформилась в период огромного социального неравенства: поляризация доходов порождала разный образ и стиль жизни населения, и различий между классами было больше, чем сходств. В целом проблема социально-экономического неравенства была основной темой марксистской теории классов. Конечно, социальное неравенство — суть любых стратификационных концепций, но только марксистская теория устанавливает конкретную связь между общественными классами. «Утверждение, что интересы капитала и интересы рабочих одни и те же, на деле означает лишь следующее: капитал и наемный труд — это две стороны одного и того же отношения. Одна сторона обуславливает другую, как взаимно обуславливают друг друга ростовщик и мот» [6. С. 66–67].

Богатство одних является причиной бедности других. Эта связь служит источником межклассового конфликта, порождает различие между классами, и ликвидация этой связи, по Марксу, возможна только посредством ликвидации эксплуататорского класса — буржуазии, т.е. общемировой пролетарской революции. Это предположение не оправдалось, так как капиталистическая система смогла путем перераспределения доходов сгладить классовое неравенство. Также Маркс предполагал, что буржуазия для удешевления стоимости продукции будет внедрять технологические инновации, позволяющие сокращать количество рабочей силы, занятой на производстве. Это приведет к росту безработицы, она удешевит стоимость рабочей силы (на нее будет давить увеличение предложения на рынке труда), что спровоцирует падение спроса на товары, а это, в свою очередь, обусловит кризис перепроизводства и коллапс всей системы. Этот сценарий тоже не сбывлся, потому что безработные нашли работу в третичном секторе экономики — сфере услуг [4. С. 63]. Перераспределение занятости большинства населения в сферу услуг при одновременном внедрении технологических инноваций создало в середине XX века в развитых странах уникальную ситуацию — рост производительности труда не сопровождался ростом безработицы, а государство, расширяя свое присутствие в экономике, сглаживало возникающие проблемы.

Капиталистическая система в странах ядра институционально ограничивалась трудовым и социальным законодательством. Эти ограничения не подрывали основы системы, так как происходила внешняя экспансия ка-

питализма. Общество с разрушенным после двух мировых войн хозяйством активно отстраивалось, рынки насыщались товарами массового спроса, поднимались стандарты жизни, открывались новые производства и рынки сбыта. Экономический рост покрывал издержки на социальные расходы, что мирно капитал с ограничениями. Наступил «золотой век наемного труда». Так, в 1970-е годы социальные расходы стран-членов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) достигли почти 25 % ВВП. Между 1940 и 1975 годами доля социальных услуг в ВВП удвоилась в Германии (ФРГ), утроилась в Великобритании, выросла в 4 раза в Нидерландах и в 5 раз в Дании (с 4,8 % до 24 % [5. С. 444–447]).

Расширение социальных гарантий со стороны государства вело к увеличению числа государственных служащих: «В Западной Европе за период с 1950 по 1980 годы их доля в общей численности занятых выросла с 11 % до 23 %, а в США за тот же период — с 9,7 % до 15,2 %. В 1982 году наиболее высоким этот показатель был в таких западных странах, как Швеция и Норвегия (по 32 %), за ними следовала Великобритания (22 %), в то время как Франция и США с их 17 % находились в конце списка» [5. С. 443]. Вероятно, впервые в мировой истории в развитых капиталистических странах пирамидальная структура социальной стратификации сменилась на ромбовидную, где большинство населения уже не относилось к бедным. В это время в социальных науках распространяются концепции массового общества, «общества двух третей», государства всеобщего благосостояния, общества потребления и т.д., констатирующие стирание объективных классовых границ, распространение унифицированных условий жизни и практик потребления. Интерес социологов сместился с анализа объективных различий к субъективным идентификациям как основе различий — получают распространение разные инварианты понимающей социологии (социальная феноменология, этнометодология и др.) с их интересом к проблемам идентичности и повседневности. Распространение этих концепций было достаточно логичным: если большинство живет в одинаковых и относительно неплохих жизненных условиях, то различия необходимо искать в их сознании.

Соответственно, начинается «забвение» классовой теории: даже ученые, придерживающиеся марксистской парадигмы (например, представители Франкфуртской школы), сосредоточились на проблемах культуры, буржуазного сознания, инструментального разума, «заново открывая раннего Маркса», оперирующего в экономико-философских рукописях 1844 года понятием отчуждения, которое тесно связано с его критикой индивидуалистического сознания.

Казалось бы, нет ни классов, ни классового сознания, в обществе достигнут консенсус, удалось сгладить противоречия между трудом и капиталом, но эта ситуация длилась лишь двадцать с небольшим лет, а затем маятник истории качнулся назад, поскольку система по своей

сути оставалась капиталистической, и требование систематически извлекаемой прибыли как ее основного принципа осталось, однако внешняя экспансия капитализма завершилась и начался переход к внутренней экспансии, связанной прежде всего со снятием институциональных ограничений, накладываемых государством и общественными организациями на систематически извлекаемую прибыль. Это снятие выразилось в сворачивании с 1970-х годов модели социального государства, созданной в середине XX века: «Для сокращения государственных пособий и услуг применялось множество самых разнообразных методов. Например, практиковалось установление произвольного потолка расходов, что приводило к снижению качества услуг и заставляло их искать в другом месте. С целью сокращения числа получателей государственных расходов были введены предварительные проверки наличия средств к существованию людей, претендующих на их получение, Прямые трансфертные выплаты заменялись налоговыми льготами, от чего зачастую выигрывал средний класс за счет малоимущих семей. Была расширена налоговая база, так что социальные выплаты стали считаться доходом. Сокращались программы предоставления бесплатного жилья, образования и медицинского обслуживания. Вносились различные изменения в правила допуска к получению пособий (например, такие как повышение возраста выхода на пенсию или ужесточение критериев, дающих право на получение медицинской помощи). Услуги, прежде предоставляющиеся бесплатно, становились платными. Наконец, субсидии на все, от услуг сферы культуры (высшее образование, музеи, библиотеки, театр, архитектура, музыка) до жилья, общественного транспорта и хлеба, там, где они были, либо отменялись, либо сокращались... Менялось и качество оставшихся бесплатными услуг. Для этого использовались такие методы, как постоянная инфляция; удлинение очереди ожидания “бесплатных операций”, преднамеренное или невольное запугивание бюрократическими проволочками» [5. С. 448–449].

Сворачивание модели социального государства ожидаемо привело к росту бедности и неравенства: «Почти во всех странах мира быстрыми темпами возрастает неравенство, а это означает, что богатые, и в первую очередь очень богатые, становятся еще богаче, в то время как бедные, и в первую очередь очень бедные, становятся еще беднее» [2. С. 19]. Причем бедность и неравенство растет в богатейших странах мира: «В Канаде, имеющей одну из самых богатых и разветвленных систем социального обеспечения, уровень бедности, постоянно снижающийся с середины 1960-х годов, вновь начал расти, так что к 1985 году каждый пятый ребенок жил в бедности. В Великобритании число бедных... выросло с 5 млн. человек в 1979 году до 12 млн в 1993 году, а доля ВВП, потребляемая 10 % населения с наименьшими доходами, сократилась с 4 % до 2,1 %. В период с 1977 по 1990 годы в США доля беднейших

20 % населения в национальном доходе сократилась на 5 %, а наиболее богатые 20 % населения стали на 9 % богаче» [5. С. 448–449].

Внутренняя экспансия капитализма связана с трансформацией сложившихся социальных структур и самого человека и проходит по следующим направлениям: первое — усиление эксплуатации имеющихся трудовых ресурсов, коррозия стандартных трудовых отношений; второе — замена новыми технологиями человеческого труда, в основном под эту замену попадают, в отличие от ситуации XIX века, «белые воротнички» — представители среднего класса, т.е. большинство населения развитых стран [4. С. 63]. На основе этих тенденций возникают концепции о будущем без труда (post-work) [11] и рентном обществе [10], распространяются идеи о безусловном базовом доходе [14]. Третье направление — дальнейшая коммодификация человеческих отношений: все получает товарную стоимость — досуг, труд по уходу за детьми и своим телом, образование, семейные обязанности, эмоции. Все то, что раньше ничего не стоило, обретает цену, выходит на рынок и встраивается в цепочку рыночных обменов. Человек сам к себе начинает относиться как к капиталовложению и инвестирует в себя, в чем ему помогают коммерческие организации спорта, образования и досуга.

Внутренняя экспансия капитализма свидетельствует о том, что он возвращается к институционально неограниченной эксплуатации трудовых ресурсов, и общая картина мира приближается к обществу, литературно описанному Ч. Диккенсом, а научно — К. Марксом и Ф. Энгельсом. Капитализм возвращается к тому, с чего начал: сворачивание социального государства и связанный с этим рост социального неравенства свидетельствует о возврате от эгалитарного общества к классовому, так как первым начинает исчезать средний класс — он поляризуется на тех, кто адаптировался к новым условиям, и всех остальных. Вследствие исчезновения среднего класса вновь становится актуальной классовая теория Маркса, но она требует ревизии в связи с новыми общественными условиями — наша современность аналогична, но не тождественна XIX веку.

Ревизия классовой теории

На данном этапе развития капитализма не имеет значение форма собственности — капиталистическими могут быть и государственные предприятия, и ключевым фактором классовой дифференциации выступает место человека в трудовых отношениях, которое подразделяет людей на рынке труда на тех, кто нанимает (работодатели), и тех, кого нанимают (наемные работники). В настоящее время к классическим «капиталистам» — владельцам частных предприятий — присоединился наемный топ-менеджмент и руководители государственных организаций. Все они составляют категорию «работодатель» и действуют сугубо в капиталистической логике. Внутренняя экспансия капитализма стремится так перестроить социальные

институты, чтобы они были похожи на коммерческую фирму, и государство не исключение — как другие частные собственники, оно стремится к рентабельности (эффективности) своих социальных институтов, поэтому госслужащие выступают такими же «капиталистами» для своих работников, как и частники.

Изменились и пролетарии, единственным источником материальных ресурсов которых выступает заработная плата: сегодня это не рабочие заводов и фабрик. Маркс, создавая свою концепцию, конечно, дифференцировал общество по социально-экономическому параметру наличия/отсутствия частной собственности, но в XIX веке этот параметр фактически совпадал с социально-профессиональной дифференциацией. Большинство наемных работников были рабочими, а большинство капиталистов — владельцами заводов и фабрик. «Под буржуазией понимается класс современных капиталистов, собственников средств производства, применяющих наемный труд. Под пролетариатом понимается класс современных наемных рабочих, которые, будучи лишены своих собственных средств производства, вынуждены для того, чтобы жить, продавать свою рабочую силу» [6. С. 8–9]. «Пролетариат — класс современных рабочих, которые только тогда и могут существовать, когда находят работу» [6. С. 15]. Развитие обществ в XX веке показало, что понятия «пролетариат» и «рабочие» не тождественны: большинство наемных работников развитых стран занято в третичном секторе, не являются рабочими фабрик и заводов. В современном мире поменялись основные субъекты капиталистических отношений — это не «капиталист — рабочий», а «работодатель — наемный работник».

Кроме того, в современных трудовых отношениях мы наблюдаем не становление трудового законодательства, ограничивающего произвол работодателя, а его разрушение. Пролетарий — это тот, кто не имел прав, он их завоевывал, а современный наемный работник права имеет, но теряет, поэтому правильнее говорить не о пролетариате, а о прекариате — классе наемных работников с неустойчивыми, нестабильными трудовыми отношениями [9. С. 19]. Если пролетарий был в начале пути борьбы за свои права, то прекарий — в начале пути утраты своих прав.

Конечно, не все неустойчиво занятые наемные работники относятся к прекариату, например, некоторым высокообразованным профессионалам (фрилансерам) неустойчивая занятость приносит относительные выгоды [7]. Прекариат — это «формирующийся класс, который, с одной стороны, олицетворяет социальные слои, обладающие профессиональными знаниями, квалификацией, опытом и стремящиеся построить рациональные взаимосвязи с обществом и государством, а с другой — это быстро растущий слой работников нестабильного социального положения с неопределенной, флексибильной (гибкой) степенью занятости, с неустойчивыми формами распределения

прибавочного продукта и произвольной оплатой труда. Они полностью или частично лишены доступа к социально-правовым гарантиям и к средствам социальной защиты и, как следствие, не видят удовлетворяющей их перспективы своей гражданской (публичной) и личной (приватной) жизни» [8. С. 60]. Ключевым моментом здесь является не просто неустойчивая занятость, но и ущемленное социально-правовое положение, которое и отличает прекариат от пролетариата.

Большинство исследований, посвященных сравнению прекариата и пролетариата, отмечают, что оба класса являются эксплуатируемыми, причем ряд исследователей полагает, что принципиальных отличий между классами не существует, и прекариат — это сильнее эксплуатируемый пролетариат [12; 13; 15]. Этот подход представляется неверным, потому что нестабильность трудовых отношений, точнее наличие/отсутствие контроля над трудовыми отношениями, — новый принцип классовобразования, не вписывающийся в те отношения эксплуатации, с помощью которых анализируется положение пролетариата. Прекариат не только сильнее эксплуатируется, но и подвергается социальной эксклюзии и ограничению тех трудовых прав, которые имеются у пролетариата. Прекариат существует наряду с пролетариатом, и складывающаяся классовая структура современного общества более сложна, чем дихотомическое деление на классы буржуазии и пролетариата [1].

Таким образом, тенденции, наблюдаемые сегодня в мире, актуализируют классовую теорию Маркса, но, в отличие от XIX века, нынешняя дифференциация общества наряду с традиционными классовыми критериями (эксплуатация, уровень власти) проходит на основе наличия/отсутствия контроля над трудовыми отношениями, что, в свою очередь, определяет степень стабильности/нестабильности социальных классов. На общественную сцену выходят два новых класса — работодатели и прекарии (наемные работники с неустойчивыми трудовыми отношениями, влекущими ограничения их социально-трудовых прав и гарантий, что усугубляет нестабильность положения человека не только в труде, но и во всей жизни).

Работодатели и прекарии выступают как классы, а не как социально-экономические группы, потому что между различными социально-профессиональными группами больше общего, чем различного. Например, на первый взгляд между профессором и продавцом нет ничего общего, но они оба не уверены в своем будущем, осознают ухудшение своего положения, администрация без особых усилий нарушает их трудовые права, оба вынуждены проявлять лояльность руководству из-за страха потерять работу, у обоих практически отсутствует подушка безопасности. Их отличает только характер труда. Условия жизни и труда у профессора лучше, чем у продавца, но это различие не радикально — они объективно находятся в одной и той же ситуации роста нестабильности в труде и жизни, и их со-

циально-профессиональные, гражданские, культурные и этнические различия второстепенны.

То же самое можно сказать и о классе работодателей: разница в стиле, языке, уровне дохода между директорами частных компаний и руководителями государственных организаций минимальны. Их трудовая деятельность и образ жизни, за редким исключением, практически идентичны, как и цели деятельности: у менеджеров частных компаний это рентабельность, у госслужащих — эффективность, и то, и другое измеряются в количественных показателях.

Пока у класса прекариев не оформились осознание своего положения и общая идентичность, т.е. пока это «класс-в-себе». Но так было и с пролетариатом: немецкий рабочий не ощущал солидарности не только с французским рабочим, но и с представителем другой профессии. Каменщик не полагал, что является таким же рабочим, как плотник, но это не означает, что объективно не существовало рабочего класса. Таким же образом дело обстоит и с прекариатом. Если тенденции внутренней экспансии капитализма не будут переломлены, то можно предположить рост классового сознания и усиление классовой борьбы, а какие конкретные формы примет эта борьба и во что в итоге трансформируется складывающаяся реальность, покажет время.

Информация о финансировании

Статья выполнена при поддержке РФФ. Проект № 18-18-00024.

Библиографический список

1. *Анисимов Р.И.* Прекариат как новый социальный класс в контексте марксистской теории // Социологический журнал. 2021. Т. 27. № 1.
2. *Бауман З.* Идет ли богатство немногих на пользу всех прочих? М., 2015.
3. *Валлерстайн И.* Мировосистемный анализ: Введение. М., 2018.
4. *Коллинз Р.* Средний класс без работы: выходы закрываются // Есть ли будущее у капитализма? М., 2015.
5. *Кревельд М. ван.* Расцвет и упадок государства. М., 2006.
6. *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные произведения. В 2 тт. Т. 1. М., 1955.
7. *Попов А.В., Соловьева Т.С.* Прекаризация занятости: анализ научного дискурса о сущности и векторах измерения // Социологические исследования. 2020. № 9.
8. Прекариат: становление нового класса / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2020.
9. *Стэндинг Г.* Прекариат: новый опасный класс. М., 2014.
10. *Фишман Л.Г., Мартыянов В.С., Давыдов Д.А.* Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М., 2019.
11. *Hines A.* Getting ready for a postwork future // Foresight and STI Governance. 2019. Vol. 13, No. 1.
12. *Jørgensen M.* Precariat — what it is and is not — towards an understanding of what it does // Critical Sociology. 2016. Vol. 42. No. 7–8.
13. *Neilson B., Rossiter N.* Precarity as a political concept or Fordism as exception // Theory, Culture & Society. 2008. Vol. 25. No. 7–8.
14. *Standing G.* Basic Income, and How We Can Make It Happen. L., 2017.
15. *Wright E.O.* Is the precariat a class? // Global Labour Journal. 2016. Vol. 7. No. 2.

The dynamics of capitalism and the return of classes*

R.I. Anisimov

Russian State University for Humanities,
Miuskaya Sq., 6, Moscow, 125993, Russia
(e-mail: ranisimov@list.ru)

Abstract. The growing social inequality and the abandonment of the welfare-state model raise the question of the return of classes to the historical arena. The author argues that the contemporary society can be characterized as capitalist due to its main structural element — a pattern of striving for profit; at the same time, the contemporary capitalist society has changed the vector of making profit from external expansion (search for new markets and centers of production) to internal intensity (automatization, increased exploitation, total commodification, removal of institutional barriers to profit). Today, capitalism has exhausted the possibilities of external expansion and is changing its strategy to the restructuring of social systems and its actors, which is accompanied by the abandonment of the welfare-state model and by the growing instability in labor relations. This leads to the situation in which middle classes disappear and social inequality grows. The concept of classes developed by K. Marx has regained its importance, since the theories created in the middle of the 20th century no longer correspond to the contemporary realities. The article revises the Marxist class model, in particular the author argues that the type of ownership is no longer a key differentiating criterion, and capitalists and proletarians are no longer the main classes of the contemporary society. The classes of employers and precariat are more relevant for describing the contemporary society. The ideas of these two classes also differ: the precariat strives to preserve social guarantees and labor rights; while employers, on the contrary, strive to maximize profits by reducing social guarantees and violating labor rights.

Keywords: capitalism; K. Marx; external expansion; internal expansion of capitalism; abandonment of welfare state; poverty; inequality; proletariat; precariat

Funding

The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 18-18-00024.

References

1. Anisimov R.I. Precariat kak novy sotsialny klass v kontekste marksistskoj teorii [Precariat as a new social class in the context of the Marxist theory]. *Sotsiologichesky Zhurnal*. 2021; 27 (1). (In Russ.).
2. Bauman Z. *Idet li bogatstvo nemnogih na polzu vseh prochih?* [Does the Richness of the Few Benefit Us All?]. Moscow; 2015. (In Russ.).
3. Wallerstein I. *Mirosistemny analiz: Vvedenie* [World-System Analysis: An Introduction]. Moscow; 2017. (In Russ.).
4. Collins R. *Sredny klass bez raboty: vykhody zakryvayutsya* [Middle class without work: Exits close]. *Est li budushchee u kapitalizma?* Moscow; 2015. (In Russ.).
5. Creveld M. van. *Rastsvet i upadok gosudarstva* [The Rise and Decline of the State]. Moscow; 2006. (In Russ.).

* © R.I. Anisimov, 2022

The article was submitted on 03.04.2022. The article was accepted on 03.10.2022.

6. Marx K., Engels F. *Izbrannye proizvedeniya. V 2 tt. T.1* [Selected Works in 2 vols. Vol. 2]. Moscow; 1955. (In Russ.).
7. Popov A., Solovieva T. Precarizatsiya zanyatosti: analiz nauchnogo diskursa o sushchnosti i vektorah izmereniya [Precarization of employment: Analysis of the academic discourse on the essence and ways of its measurement]. *Sotsiologicheskie Issledovaniia*. 2020; 9. (In Russ.).
8. Toshchenko Zh. (Ed.). *Precariat: stanovlenie novogo klassa* [Precariat: Emergence of a New Class]. Moscow; 2020. (In Russ.).
9. Standing G. *Precariat: novy opasny klass* [The Precariat. The New Dangerous Class]. Moscow; 2014. (In Russ.).
10. Fishman L.G., Martiyanov V.S., Davydov D.A. *Rentnoe obshchestvo: v teni truda, kapitala i demokratii* [Rental Society: In the Shadow of Labor, Capital and Democracy]. Moscow; 2019. (In Russ.).
11. Hines A. Getting ready for a postwork future. *Foresight and STI Governance*. 2019; 13 (1).
12. Jørgensen M. Precariat — what it is and is not — towards an understanding of what it does. *Critical Sociology*. 2016; 42 (7–8).
13. Neilson B., Rossiter N. Precarity as a political concept or Fordism as exception. *Theory, Culture & Society*. 2008; 25 (7–8).
14. Standing G. *Basic Income, and How We Can Make It Happen*. London; 2017.
15. Wright E.O. Is the precariat a class? *Global Labor Journal*. 2016; 7 (2).